

ИТОГИ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ВЕЛИКОГО ТРЕКА

Социально-политическая организация и причины Трека. Изучая более углубленно события, связанные с Великим Треком, обнаруживаешь, что британцам приходилось неоднократно испытывать на себе «результаты» не доведенных до логического завершения изменений в структуре управления колонией.

В качестве одной из основных причин переселения треккеров Асвеген называет отсутствие эффективной системы государственного управления на территории пограничных районов Капской колонии — системы представительной власти, которая позволяла бы африканерам наравне с британцами управлять колонией на местном уровне. Необходимо подчеркнуть, что подобная неблагоприятная ситуация сложилась на Капе в связи с тем, что британская администрация к 30-м годам XIX в. так и не смогла решить проблему отсутствия централизованной власти [Aswegen van 1990: 256].

Британцы безуспешно пытались исправить создавшееся положение путем усиления государственного контроля, но этот путь не привел к решению проблемы. Дело в том, что ужесточение госконтроля влекло за собой окончательное отстранение африканеров от власти. На практике это привело к упразднению системы ландростов и хеемрадов, т.е. системы выборной, представительной власти. Возможно, данные меры и не вызвали бы столь бурной реакции общества (т.е. переселения), если бы на смену старой системе пришла новая, более эффективная. Но этого не произошло. Британцы ограничились лишь созданием службы региональных представителей администрации, которые должны были опираться в своих действиях на солдат

и офицеров местных подразделений британского экспедиционного корпуса.

Как правило, назначенные на эти должности люди из числа британских подданных слабо разбирались в особенностях сельской жизни Южной Африки. Находясь в отрыве от административного центра, они вряд ли могли оказывать сколько-нибудь существенное влияние на ход событий в отдаленных районах колонии.

Второй причиной переселения треккеров, по мнению Асвегена, было стремление колонистов к независимости. Треккеры на заре переселения не могли ясно и четко сформулировать конечную цель своих действий. Однако кое-что их все же объединяло, а именно стремление создать независимое государство, где они смогли бы жить свободно, в соответствии с собственными представлениями о том, как должно осуществляться управление и каким это государство должно быть [Aswegen van 1990: 256].

Подлинной причиной, послужившей толчком к началу переселения, стал избранный британцами политический курс, рассчитанный на поддержку коренного населения и отстранение африканерской прослойки общества от управления.

Действия британской администрации позволяют четко проследить политическую динамику изменений, последовательно проводившихся в рамках колониального общества. Предпринятые меры были рассчитаны на постепенный переход от популистских действий к установлению жесткого контроля. Подобная, если так можно выразиться, «эксклюзивная модель» поведения администрации, не характерная для традиционного британского колониального управления, была избрана, по-видимому, в связи с тем, что в Южной Африке британцам приходилось работать в очень необычных условиях. Наибольшую сложность для них изначально представляли именно африканеры. В течение 50 лет британцы приспосабливались к этим специфическим условиям, и

к 30-м годам XIX в., несмотря на все просчеты и ошибки, выработали единственно возможную, на их взгляд, линию поведения.

Им приходилось учитывать широкий спектр мнений прогрессивной общественности, как в метрополии, так и в самой колонии, балансируя в поисках эффективных мер по стабилизации ситуации. Благодаря средствам массовой информации практически каждый подданный Великобритании, от известного политического деятеля до простого клерка, имел собственный взгляд на события в колониях. Столь же существенную роль в формировании общественного мнения играли средства массовой информации на Капе.

Такой политический курс, основанный на теории гуманизма и подкрепленный мнением влиятельных политических деятелей-филантропов, привел к тому, что трекеры оказались в положении проигравшего меньшинства, что, в свою очередь, заставило их идти на крайние меры.

Между тем подлинные причины Великого Трека отчетливо проявляются лишь в том случае, если принять во внимание весь комплекс политических, экономических и социальных перестановок, под влиянием которых оказались колонисты. Трек позволял африканерам уйти, сохранив прежнюю свободу, не вступая в заведомо проигранное «сражение» с окрепшим британским режимом.

Итак, каковы же причины Трека? Ответить на этот вопрос помогут свидетельства современников. В первую очередь это записки Й.Н. Бошофа (1808–1881), который на заре перемен служил простым клерком в Храафф-Рейнете под началом А. Стоккенстрома, занимавшего в то время пост ландроста. Затем Бошоф работал вместе с главным комиссионером колонии ван Рэйнфельдом (с 1824 по 1838 гг.). Впоследствии он был уволен со своего поста за превышение полномочий, после чего в 1839 г. примкнул к треккерам. Именно Бошоф опубликовал анализ причин Великого Трека в еженедельном журнале (обозрении), выходившем в Грейамстауне.

Бошоф писал, что после 1834 г. (когда об отмене рабства заговорили официально) колонисты не могли заставить своих слуг работать. Фермеры просто не знали, что предпринять.

Если судить по материалам, изложенным в записках Бошофа, можно утверждать, что после всех изданных британцами постановлений, защищавших права чернокожего населения, обвинить африканца в чем-либо было практически невозможно. В случае если его вина признавалась беспорной, он отделялся тремя днями тюремного заключения или лекцией о правильном поведении [Du Toit & Gilliom 1983: 120 doc. 3.14].

Особое внимание Бошоф обращал на то, что поселенцы не доверяют колониальному правительству. Обмен валюты, бывшей в обращении на Капе, по заниженному курсу ударил по карманам фермеров. «Осталось впечатление, будто правительство необоснованно завладело частью нашей собственности», — писал Бошоф.

Освобождение рабов (а точнее, методы, при помощи которых это было сделано) возмутило африканеров до глубины души. Сумма отступного, начисленная каждому рабовладельцу, не компенсировала реальной стоимости освобожденных рабов. Она составляла в среднем около одной трети настоящей стоимости. А за деньгами нужно было ехать в Англию [Du Toit & Gilliom 1983: 286 doc. 6.10 a].

Законы, направленные на рабовладельцев, были сформулированы столь жестко и непреклонно, что люди отказывались им подчиняться. Совершенно отчетливо было видно, что администрация сознательно создает поправки африканцам и игнорирует требования колонистов. Из-за этого, по мнению африканеров, стала стремительно расти преступность, а жителей приграничных районов все чаще беспокоили набеги африканцев.

«Пока бур воевал, его дом, собственность, семья подвергались опасности нападения со стороны чернокожих бродяг. Все, что буры отвоевывали у каффров, забирало правительство. Затем с африканцами заключали мир, и они клятвенно обещали

вернуть скот, оружие, лошадей, но никогда не возвращали. Буры оставались ни с чем, да их же еще потом и обвиняли в том, чего они не делали. Как люди могли вынести такое?» — писал Бошоф в своих записках [Du Toit & Gilliom 1983: 286 doc. 6.10 a].

Еще одной важной причиной, вынудившей большинство треккеров иммигрировать, было то, что после введения в действие Ордонанса № 50 и последующей отмены рабства бродяжничество стало в колонии обычным делом.

В результате начавшегося в середине XIX в. массового переселения треккеров во внутренние районы континента граница колонии оказалась «обнаженной». Поселенцы ушли из приграничной полосы, подставив под удар территорию Капа. Лишь к концу XIX в. эту «брешь» удалось «залатать».

Трек представлял собой продуманную, организованную эмиграцию. Поселенцы шаг за шагом осваивали внутренние районы, давным-давно обжитые племенами нгуни и сото-тсвана. Маршрут, по которому пошли треккеры (вокруг района Хайфельд в Наталь), был выбран ими неслучайно. Переселенцы старались обойти территории, густо населенные племенами коса. Именно коса остановили экспансию переселенцев за полвека до начала Великого Трека. Память об этом надолго сохранилась в сердцах фермеров.

Время для осуществления своей «мечты» переселенцы выбрали на редкость удачно. Трек начался сразу после окончания «дифакане». С одной стороны, можно предположить, что это переселение помешало развитию Трека. Аргументом, подтверждающим эту гипотезу, служит тот факт, что в переселении африканцев участвовало огромное количество хаотично перемещавшихся по просторам Южной Африки людей. Причем сам процесс сопровождался постоянными войнами, отголоски которых были слышны в период начала Трека. Первые немногочисленные отряды треккеров зачастую гибли в неравных кровопролитных боях с африканцами.

С другой стороны, несомненным представляется то, что миграции африканских племен способствовали беспрепятственному проникновению африканеров во внутренние районы континента.

По прошествии нескольких десятков лет после завершения «дифакане» можно было наблюдать полное восстановление общественных институтов в рамках сообществ нгуни и сототсвана.

Вплоть до 50-х годов XIX в. переселенцы успешно селились за пределами колонии и могли в случае чего защитить себя и отстоять с оружием в руках свои интересы, но не было и речи об установлении гегемонии белых.

Итогом Трека стало также появление открытой и достаточно протяженной пограничной зоны, на территории которой долгое время никто не мог установить бесспорного политического контроля: ни трекеры, ни африканцы, ни британцы.

В результате Трек привел треккеров к их давней мечте: они стали независимы. Но лишь политически. Об экономической независимости, по утверждению Асвехена, и речи быть не могло, по крайней мере на ранних этапах. Экономика Капской колонии продолжала успешно развиваться вплоть до 1854 г. Постепенно налаживались связи между отдаленными районами и побережьем. Британцы осваивали все новые и новые территории. Под их непосредственным контролем находилась торговля, порты, рынки сбыта и прочие элементы, способствовавшие эффективному развитию региона. Прежним оставался политический курс на вовлечение Южной Африки в капиталистическую экономику [Aswegen van 1990: 264].

У африканеров подобных преимуществ не было. Тем не менее история развития данного процесса (Трека) демонстрирует, что треккерам все же удалось извлечь определенную пользу из создавшегося положения. Трек, как это ни покажется странным, способствовал постепенной переориентации интересов африканерского общества и установлению прочных связей с африкан-

скими племенами. Постепенно наладилась торговля с местным населением, африканеры осторожно, но неумолимо стали выходить на внутренние рынки, не отказываясь, тем не менее, от давней мечты о заморской торговле. Как показала практика, взаимодействие треккеров с африканцами стало носить взаимовыгодный характер, однако на начальных этапах Трека переселенцы зависели от местных жителей, обменивая у них имущество на продукты питания.

Если говорить о социальной стороне жизни треккеров, то приходится признать, что переселение во многом пагубно отразилось на развитии африканерского общества, застопорив и без того вяло протекавшие внутренние социально-культурные процессы. Сказывалось это, прежде всего, в необразованности подавляющего большинства переселенцев. Ситуация усугублялась отсутствием среди треккеров официальных представителей церкви Капа, которые «строго осудили Трек как прямое неповиновение официальным властям» [Aswegen van 1990: 265]. Поэтому у фермеров-переселенцев не было возможности препоручить воспитание детей священнику.

Но, как бы то ни было, африканеры сыграли заметную роль в деле распространения христианства среди африканских народов. Данный процесс носил исключительно косвенный характер, если так можно сказать. Никто специально не занимался привлечением африканцев в ряды христиан. «Африканеры всегда крайне негативно относились к миссионерам и их деятельности» [Aswegen van 1990: 267].

На долгие годы основным социально-политическим институтом треккеров стал отряд, в рамках которого на них возлагались определенные обязанности. Отряд, помимо всего, представлял собой боевую единицу. Соблюдение субординации и четко установленных правил поведения, строгая иерархия легли в основу внутренней структуры отрядов переселенцев. Система работала безотказно, так как ценой неповиновения была жизнь.

В крупных отрядах основным социальным институтом оставалась семья, в которой отец являлся опорой и гарантом порядка. Можно предположить, что большая семья могла стать самодостаточной единицей, но лишь в определенной степени и в определенных условиях.

Члены семьи несли на себе бремя социальных и экономических обязательств. Глава семьи, кроме всего прочего, был хранителем религиозных традиций, следил за правильным ведением хозяйства и обеспечивал относительное благополучие семьи. При возникновении благоприятных обстоятельств отряд распускался. Семья становилась автономной единицей. Трекеры основывали фермы, оседали на земле, стараясь при этом сохранять вполне определенную обособленность. Речь идет о том, что они не объединялись, а селились на почтительном расстоянии друг от друга.

Таким образом, можно предположить, что трекеры не представляли собой единое сообщество. Объединяющим фактором в изучаемый период для них стала общая цель — переселение. «Жажда свободы, сознание того, что они покинули колонию, даже борьба против чернокожего населения — всего этого оказалось недостаточно для того, чтобы объединить африканеров» [Aswegen van 1990: 269].

Предположительно, одной из причин разобщенности могло стать отсутствие «исторической глубины» в сознании переселенцев. У них не было традиций, связывавших их воедино. В этом заключен парадокс. Они объединились, но лишь затем, чтобы позже разойтись.

Историческое значение Великого Трека. Трек стал следствием комплексного реформирования, предпринятого британской администрацией в начале XIX в. Категорическое несогласие значительной части африканеров с политическим курсом британской администрации заставляло колонистов каким-либо образом реагировать на происходящее. На тот момент единственно возможной альтернативой они посчитали исход.

Трек, как уже отмечалось, не гарантировал участникам полной политической и тем более экономической независимости. Если рассматривать этот вопрос в исторической ретроспективе, то приходится признать, что, покинув пределы колонии, трекеры по-прежнему оставались в зоне стратегических интересов британцев, стремившихся к установлению полного контроля во всем южно-африканском регионе (от Атлантического до Индийского океана).

Асвеген подчеркивает, что ученые-историки склонны считать, что Трек, несмотря на неоднородность его восприятия, можно назвать национальным движением, так как трекеры четко противопоставили себя как британцам, так и коренному населению. При желании в этом историческом явлении можно увидеть ростки изоляционизма [Aswegen van 1990: 268].

Двойной эффект, произведенный «дифакане» и Треком, имел далеко идущие последствия. Одним из самых очевидных, можно сказать, непосредственным результатом стала экономическая стагнация внутри общества переселенцев и культурное истощение региона. Многочисленные локальные войны вели к депопуляции и хаосу.

Благодаря Треку белые колонисты проникли во внутренние районы африканского континента. За ними по пятам последовали торговцы и миссионеры. Процесс взаимопроникновения культур со временем перешел на качественно новый уровень.

Трекеры представляли серьезную угрозу доминировавшим в регионе военно-политическим союзам африканских племен, которые были опорой для малочисленных и разрозненных групп.

Конфликт на расовой почве, как это ни странно, можно рассматривать как один из этапов взаимодействия. В итоге обстоятельства вынуждали обе стороны идти на компромисс, искать пути сближения. Фактором примирения стала торговля.

Трек стал проводником новых экономических отношений, заставил африканцев свыкнуться с неизбежностью существова-

ния в «другой реальности». Под «другой реальностью» здесь подразумеваются все те изменения, появление которых напрямую было связано с проникновением европейцев вглубь материка. В недалеком будущем африканцам пришлось адаптироваться к использованию новых систем хозяйствования, основанных на принципе частной собственности и свободной торговли.

Литература

Aswegen van, H.J. History of South Africa to 1854. Pretoria, 1990.

Du Toit A. and Gilliom H. Afrikaner Political Thought. Analysis and documents. Vol. 1 (1780-1850). Cape Town: David Philip, 1983.